

КУМИРЫ ХХ ВЕКА

— Сергей Владимирович, вернули вам семейные иконы, которые вы нашли в музее Рыбинска?

— Нет, не вернули.

— Чувство классовой ненависти в вашей душе пробудилось к тем, кто лишил вас икон, дворянства, домов и имений?

— Ничего меня не лишили, потому что у отца собственности не было. Имение принадлежало моему прадеду. Я жил там у деда. Дом на Волхонке, 6, где родился, не принадлежал отцу. То был доходный дом, которым владел мой двоюродный дед, Сергей Владимирович Михалков, а строил его некто Маршак, вот такое сочетание — Михалков и Маршак...

Моим крестным был генерал-губернатор Москвы Джунковский, назначенный незадолго до моего рождения товарищем министра внутренних дел и командиром отдельного корпуса жандармов.

— У вас глубокие связи с монархическим прошлым...

— Но воспитан я советской страной, советской школой, советской средой, советским обществом. В 1917 году мне было 4 года, а когда распался Советский Союз — около 80 лет. То есть я человек той эпохи от начала до конца, человек сталинской эпохи, все это, конечно, отразилось на моей психологии, на моем творчестве.

Моя няня нечаянно упустила коляску, она перевернулась вместе со мной, отчего я начал заикаться. Родителям посоветовали пригласить для присмотра за детьми немку, Эмму Ивановну. Благодаря ей я и два моих брата стали не только свободно говорить по-немецки, но и читать в подлинниках Шиллера и Гете. Русскому и Закону Божьему учил сельский священник отец Борис. Его арестовали и расстреляли.

— И генерала Джунковского в 73 года расстреляли...

— Да, в двенадцать лет я побывал у крестного, он меня рекомендовал издателю детских книг Мириманову. Старик уважительно принял меня в частном издательстве на Гоголевском бульваре, 7, дал три рубля. То был мой первый авторский гонорар. Оставленную для просмотра рукопись вернул.

— Почему ваша семья оказалась в Пятигорске?

— Отец оставил Москву, думаю, не без умысла, чтобы не только заниматься птицеводством, но и быть подальше от тех, кто присматривал за "бывшими".

— У вас был поразительный взлет: в 26 лет наградили орденом Ленина, год спустя "за стихи для детей" присудили Сталинскую премию, еще через год вторую Сталинскую премию вручили за сценарий фильма "Фронтовые подруги". Когда вы начали публиковаться?

— В пятнадцать — напечатал в журнале первые стихи. Вернулся в Москву в семнадцать лет один. Работал грузчиком на Москворецкой ткацко-отделочной фабрике, уезжал с геологической экспедицией, изыскательской партией. И писал стихи, посылал их в редакции. "Марш эскадрилий" опубликовал "Огонек". Его перепечатала "Правда", и меня приняли в отдел писем "Известий". Все это было счастьем!

— Не представляю вас в таком отделе. Чем вы там занимались?

— Отвечал на письма и печатал детские стихи, учился в Литературном институте, испытывал нежные чувства к девушке по имени Светлана. Она училась там же и ко мне интереса не проявляла. Чтобы ее заинтересовать, шедшую в номере газеты "Колыбельную" переименовал в "Светлану".

Я тебя будить не стану;

Ты до утренней зари

В темной комнате, Светлана,

Сны веселые смотри.

Девушку-блондинку теми рифмами не пленил. Тронuli они сердце отца дочери по имени Светлана. "Ваши стихи в "Известиях" понравились товарищу Сталину. Он поручил мне с вами встретиться".

— В каких условиях вы живете? — спросил меня в ЦК партии в большом кабинете ответственный товарищ, позднее расстрелянный, как отец Борис и крестный.

— Дали после этого визита в ЦК квартиру?

— Нет. Я до того получил две комнаты, одну очень маленькую, одну нормальную. Квартира, конечно, была коммунальная, на Башиловке, в старом деревянном доме на втором этаже с туа-

летом во дворе. Этот дом сломали. Там я жил с мамой и младшим братом, потому что семья была на моем иждивении. Средний брат жил у товарища моего отца, доктора Мещерякова. В память об отце, с которым доктор дружил, когда учился в Московском университете, он пригласил брата к себе, уступил ему кабинет.

— Ваш юбилей совпадает с пятидесятилетием со дня смерти Сталина. За это время не изменилось ваше отношение к нему?

— А почему оно должно было измениться?

— Ну, сейчас много что пишут и говорят. Как вы относитесь к мнению, что в политике гений и злодейство совместимы?

Великому
детскому
писателю —
90!

Сережа Михалков, 1916 год.

— И я так думаю. Любая историческая фигура — это свет и тени.

— Кому пришла в голову мысль в тексте гимна зарифмовать "великую Русь", что понравилось Сталину?

— Это придумал Эль-Регистан. Он вообще был инициатор, я не думал заниматься гимном. Но Габо пришел ко мне утром и говорит: я видел сон, что мы написали с тобой гимн!

Мы сели, подошли к этому делу научно, взяли энциклопедию, взяли Конституцию СССР, сталинскую. Использовали размер стихотворный, на который был написан гимн партии на музыку Александрова. Написали стихи и послали их Шостаковичу. Он написал музыку. Его музыка участвовала до самого конца конкурса вместе с музыкой Александрова.

В те дни меня нашли в действующей армии. Я приехал в Ставку, соединяют с Ворошиловым. И он мне из Кремля говорит:

— Товарищ Сталин спрашивает: можно ли во втором куплете после второй строки заменить знак препинания?

Вот как он отослался к работе авторов, когда редакторы не только не спрашивают, а вычеркивают и дописывают абзацы. Сталин ничего сам не исправлял, делал замечания. Это важно.

— Есть легенда, что Сталин якобы вам приказал не заикаться.

— Во-первых, он ничего не приказывал мне. В шутку сказал: "А вы не заикайтесь!" Что-то я ему ответил, после чего он добавил: "Вот я Молотову сказал, чтобы он не заикался, он и не заикается больше".

После прослушивания гимна на приеме, схватив с вешалки попавшуюся под руку фуражку Сталина, я и Габо разыграли перед ним и члена-

В древнем дворянском роду Михалковых сыновей часто называли именами Сергей и Владимир. На иконе "Спас Нерукотворный", попавшей в музей, есть надпись: "Сим образом благословил сына своего Сергей Владимирович Михалков 29 августа 1881 года. Этот образ принадлежал стольнику и постельничему Константину Михалкову — четвероюродному брату царя Михаила Федоровича Романова". Есть в музее и другая семейная икона, написанная в середине XVII века предком Сергея Владимировича Михалкова. Автору гимнов СССР и России, надписи на Могиле Неизвестного Солдата: "Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен", автору строк, запомнившихся с детства всем, кто говорит по-русски, — исполнилось 90. По случаю юбилея он дал интервью обозревателю "МК" Льву Колодному.

“С ЭТИМ
ГИМНОМ

МЫ ПОБЕДИЛИ.
ПОБЕДИМ ЕЩЕ”

ми Политбюро сценку про трусливого офицера ПВО. Он страшился подойти к неразорвавшейся бомбе на подмосковной даче и просил девочку:

— Девочка, а девочка, пойдй посмотри на бомбочку, какие на ней знаки, — говорил я в фуражке Сталина. — Как можно, девочка может погибнуть, — кручинился гражданское население в лице Габо. — Ну и что, война без жертв не бывает.

Эта сценка рассмешила Сталина до слез.

— Вы что, были тогда настолько отважны, что позволили себе такую вольность?

— Мы были не отважные. Просто возникло такое настроение за столом, да мы еще и выпили. Сталин сказал: вы не пейте до конца бокал, иначе с вами будет неинтересно разговаривать. Там все время предлагали выпить за Сталина. Я последовал его совету. Сталин спросил тогда у меня: "А вы член партии?"

Я ответил, что беспартийный. Он подумал и сказал: ну ничего, я тоже был беспартийным. После этого можно подумать, что я пошел вступать в партию? А я вступил через семь лет.

— Есть анекдот, что Евушенко выразился негативно о тексте Гимна СССР, а вы ему ответили: "Иди учи!"

— На самом деле он сказал, что можно было бы лучше написать. Я ему ответил: все можно лучше сделать, но все равно тебе придется вставать, когда будут исполнять гимн.

— Потраженные за исполнение гимна платят?

— Нет, за символы не платят.

— Изменилось ли к вам отношение после того, как вы стали автором Гимна России?

— Ничего не изменилось, какое было, такое осталось. На тусовки я не хожу и никогда не ходил, а на официальные праздники меня приглашали и раньше, и сейчас, но мне уже не так легко ходить.

У меня читатель есть! Знаете, я сам о себе не могу говорить... Я доволен, что написанное живет, люди читают, хвалят, им нравится, я печатаюсь до сих пор, выходят стихи, написанные пятьдесят лет назад, их читали бабушки и дедушки. Они сейчас покупают их для внуков. Я не считаю, что это такие шедевры, как у Пушкина, но, во всяком случае, мое творчество живет и имеет своего читателя. А это, очевидно, самое дорогое для писателя. Вы, наверное, это сами чувствуете...

— О ваших сыновьях пишут чуть ли не каждый день в газетах. Расскажите о родных братьях.

— Средний брат, Александр, был, как он выражался, "технар", окончил энергетический техникум и транспортный институт, увлекался краеведением, печатался в "Вечерке", написал книжку об истории московского купечества, чье дело служило и после революции. Он участвовал в войне, умер недавно в 82 года.

Младший брат, Михаил, работает, пишет книги и статьи о войне. Он издал автобиографическую повесть "В лабиринтах смертельного риска". Михаил побывал в немецком концлагере, откуда бежал, руководил партизанской группой, отлучился пять лет в Лефортовской тюрьме и в лагере под Рязанью. Оправдан, награжден орденом Славы за подвиги на войне. Через много лет после лагеря выйдут сборники его стихов. Там будет четверостишие "Смерть связиста", которое не сочинишь на холодную голову:

Гудел металлический овод,

А в поле, в горящих хлебах,

Работал разорванный провод

В его посиневших губах.

— Рассказывают, что вы помогли многим, в том числе молодому Илье Глазунову, который везде называет вас "мой благодетель".

— Глазунов очень талантливый человек, я его люблю, он себя не бережет абсолютно, все время курит.

— Анатолий Алексин однажды сказал про вас: "Он может все".

— Дурак он, к сожалению. Уехал и даже не попрощался, не сказал спасибо за все, что я для него сделал. У него была хорошая писательская биография. Как товарищ меня предал. Что значит "может все"? Я могу то, что могу. И сейчас приходится письма писать. Иногда помогает, иногда нет. Помог учредить Ленинские и государственные премии за литературу для детей, создать общество охраны памятников, вернуть церкви Данилов монастырь. Надо пытаться помогать человеку, если он того достоин. Я всегда шел навстречу, поэтому писатели, особенно националы, уважают и любят до сих пор.

— Кому еще вы протянули руку?

— Могу назвать, например, писателя Колесникова. Его представили к званию Героя Советского Союза Ковпак и шесть Героев Советского Союза. Я случайно узнал, что это представление лежало у Колесникова дома 50 лет. Он не давал ему хода, потому что жил один негодяй, который ему жизнь отравлял в партизанском отряде и мог снова навредить. Я написал на Украину, откуда пришли документы из архива, на каждой странице — подпись и круглая печать, там еще больше подвигов описано, чем в представлении к званию Героя. Поддержала меня верховная власть в Киеве. И этого оказалось достаточно, чтобы спустя пятьдесят лет Колесников получил звание Героя России.

— Он что, живет на Украине?

— Нет, в Москве... Я мечтаю, что будет общий союз писателей. А сейчас мы пытаемся сохранить Союз писателей СССР под другим названием — Международное сообщество писателей союзных стран. Это оправдывает себя, потому что духовную связь нельзя разрушить. Можно разрушить дипломатически, политически, а дружба не поддается разрыву. Наш дом на Поварской улице все обещают забрать у нас, судятся. Этот дом принадлежал Союзу писателей СССР. Теперь принадлежит нам, но есть люди, которые пытаются все разрушить и борются с нами. А чего бороться, не понимаю?

— Из того, что вы сочинили, кроме "Дяди Степы" и стихов для детей, что наверняка переживет наше время?

— Я считаю — басни. Потому что в XX веке, кроме меня, никто басен не писал. Писал Демьян Бедный. Но то были политические агитки. Специалисты по Крылову ставят меня в один ряд с ним и сейчас, я им благодарен, но вспоминаю басню старого баснописца Дмитриева. Я очень люблю эту басню, она называется "Лестница".

Стояла лестница однажды у стены.
Хотя ступени все между собой равны,
Но верхняя ступень пред нижней — гордилась.

Шел мимо человек, на лестницу взглянул,
Схватил ее, перевернул,
И верхняя ступень внизу уж очутилась.

Смотри, чтобы с тобой такого не случилось.
Я с вожжами неофициально не общался, ни у кого не был на квартире, на даче, туда меня не приглашали. Не любил застолье, никого к себе с бутылкой не пускал, и поэтому от меня отгораживались. И сегодня, когда я слушаю выступления некоторых писателей, которые обливают грязью все что было, это меня возмущает.

Доживите до моих лет. До 90.

— А не страшно?

— Нет, не страшно, интересно, поскольку я еще работаю, о чем-то думаю, мыслю, но, конечно, я уже другой человек в 90 лет. По-другому относиться к ценностям всякого рода. Но, видите, мне легче, потому что я ничего не собирал. Ничего не коллекционировал. И сегодня ничего не коллекционирую.

— Легче в том смысле, что расставаться легче?

— Да, да. Ничего такого ценного, за что я держусь обеими руками. И вообще должен вам сказать: тот, кто дожил до 90 лет и больше, кто еще работает и думает, — интереснее, чем тот, кому 60...

— Тяжело было сейчас сочинять новый текст гимна? Долго писали?

— Долго. Тяжелая работа. Кто может знать, как писать гимн? Я писал, еще многие писали.

С этим гимном мы победили. Победим еще.

Лев КОЛОДНЫЙ.